

ПУШКИНЪ — ГАСТРОНОМЪ.

Вѣчная Пушкинская гармонія, въ которой, по слову Гоголя, „все уравновѣшено“, содержитъ въ своемъ мірообъемлющемъ кругѣ, среди всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ красокъ, всѣхъ наслажденій жизни,—также наслажденіе столомъ, ѣдой и питьемъ. Сама норма, само здоровье—Пушкинъ, этотъ „геніальный простой человѣкъ“, какъ назвалъ его Аполлонъ Григорьевъ, не чуждался ничего человѣческаго. „Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновеніе и освѣжительный покой“... Онъ любилъ жизнь, со всѣмъ ея безконечнымъ многообразіемъ, и умѣлъ жить и въ лучшемъ смыслѣ этого слова, беря отъ нея все, что она даетъ, и былъ ей всѣмъ сердцемъ благодаренъ „за наслажденія, за грусть, за милья мученья, за шумъ, за бури, за пиры“. Гастрономомъ *par excellence* Пушкинъ, конечно, не былъ, какъ не былъ ничѣмъ односторонне, въ отдѣльности, специально. Хорошій столъ, хорошее вино онъ любилъ и цѣнилъ, хотя они не были его страстью, и въ той жизненной симфоніи, которую поэтъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ, среди мотивовъ житейскихъ радостей слышится и мотивъ вкусового наслажденія, но онъ всегда на своемъ мѣстѣ, никогда не преобладаетъ, и въ „Вахтанжической пѣснѣ“ Пушкина рядомъ съ призывомъ: „Полиѣ стаканъ наливайте“ провозглашается первенство надъ жизнью разума,—солнца, гармонизирующаго ея стихіи и наслаждающагося ими: „да здравствуетъ разумъ!.. да здравствуетъ солнце!“... Нельзя себѣ представить Пушкина въ обстановкѣ пьяной оргіи, на фонѣ разнузданности—но только на блестящемъ, роскошномъ пиру или за скромнымъ дружескимъ столомъ.

„Пиршественный идеалъ“ Пушкина—пиръ Ксенофана Колофонскаго. Пушкинъ совѣтуетъ:

Юноша! скромно пируй, и шумную вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

Неумѣренность въ ѣдѣ и питьѣ была противна Пушкину. Своего друга Соболевскаго, большого обжору и лакомку, Пушкинъ добродушно, но довольно категорически величалъ „животнымъ“ и „Калибаномъ“. Надъ другимъ пріятелемъ А. Л. Давыдовымъ (тѣмъ самымъ, который мелькомъ упомянутъ въ „Евгени Онѣгинѣ“—„рогоносецъ величавый всегда довольный самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой“), натурой фальстафскаго склада, Пушкинъ трюнилъ въ веселыхъ напутственныхъ стихахъ:

Нельзя, мой толстый Аристиппъ!
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды,
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды...

Этотъ Давыдовъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гурмановъ своего времени. Командуя въ 1815 г. одной военною частью, въ составѣ нашего оккупационнаго корпуса, во Франціи, Давыдовъ для передвиженій своего отряда всегда составлялъ маршрутъ въ строгомъ расчетѣ на проходы и остановки въ мѣстностяхъ, славившихся какимъ нибудь оригинальнымъ кушаньемъ, искусно откормленной птицей, рѣдкими овощами или фруктами, и такимъ образомъ, какъ самъ съ гордостью рассказывалъ, „первый составилъ гастрономическую карту Франціи“. Пушкинъ насмѣшливо называетъ его Аристиппомъ: этотъ мудрецъ проповѣдывалъ умѣренность въ наслажденіяхъ.

Пушкинъ не одобрялъ небрежности и безвкусіи въ ѣдѣ. Въ одной сатирической пѣснѣ онъ посмѣивается надъ господами, которые принадлежатъ, повидимому, къ свѣтской средѣ, но „у нихъ орѣхи подаютъ“, они „кислы щи въ театрѣ пьютъ“, хотя противъ кислыхъ щей и орѣховъ самихъ по себѣ, въ свое время и на своемъ мѣстѣ, онъ ничего не имѣлъ и иногда даже предпочиталъ самое простое утонченнымъ деликатесамъ. О своемъ Чарскомъ („Египетскія ночи“) Пушкинъ говоритъ: „онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофельъ всѣмъ изобрѣтеніямъ французской кухни“. Не безъ ироническаго преувеличенія Пушкинъ писалъ это о самомъ себѣ. „Онъ любилъ придавать своимъ героямъ собственные вкусы и привычки“, свидѣтельствуетъ братъ поэта: „нигдѣ онъ такъ не выразился, какъ въ описаніи Чарскаго“.

Родительскій домъ былъ для Пушкина сомнительной школой гастрономіи. Домъ Пушкиныхъ, по разсказу товарища поэта,

графа И. А. Корфа, „представлялъ всегда какой то хаосъ“; несмотря на крупныя въ общемъ средства, „вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана; когда у нихъ обѣдывало человѣка два и три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами“... По словамъ А. П. Кернъ, бар. А. А. Дельвиговъ, другъ Пушкина хотя былъ свой человѣкъ въ домѣ родителей поэта, не любилъ обѣдать у стариковъ Пушкиныхъ, которые не были гастронемы, и въ этомъ случаѣ онъ былъ одного мнѣнія съ Александромъ Сергѣевичемъ. Вотъ по случаю обѣда у нихъ, что разъ Дельвиговъ писалъ Пушкину:

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать
Дурного масла, яйцъ гнилыхъ?—
Такъ приходи со мной обѣдать
Сегодня у своихъ родныхъ!

Однажды Кернъ встрѣтила поэта (это было уже въ серединѣ тридцатыхъ годовъ) у его родителей „во время обѣда, въ четыре часа. Старикъ потчивали его то тѣмъ, то другимъ изъ кушаньевъ, но онъ отъ всего отказывался и, восхищаясь аппетитомъ батюшки, улыбулся, когда отецъ сказалъ ему и мнѣ, предлагая гуся съ кислою капустою: „с'est un plat écossois“—замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда ничего не ѣстъ до обѣда, а обѣдаетъ въ шесть часовъ“. Мать бывала „очень рада и счастлива, когда онъ посѣщалъ ихъ и оставался обѣдать; она заманивала его къ обѣду печенымъ картофелемъ, до котораго Пушкинъ былъ большой охотникъ“ (черта приданная имъ Чарскому).

Скромный лицейскій столъ едва ли могъ развить гастрономической вкусъ: скорѣе онъ развивалъ только аппетитъ. Лицейское творчество Пушкина во многомъ раздражительное, особенно раздражительно въ своемъ эпикуреизмѣ. О вкусной ѣдѣ и разныхъ напиткахъ говорится много и часто, но въ выраженіяхъ условныхъ и малоопредѣленныхъ.

„Бутылки, рюмки разобьемъ“... „Но что? я вижу все вдвоемъ: двонитъ штофъ съ аракомъ, вся комната пошла кругомъ!“... и т. под. Это должно быть принимаемо весьма и весьма относительно. Подростокъ-поэтъ воспѣвалъ погребя, гдѣ „во льду хранится бутылокъ гордый строй, и портера таится боченокъ выписной“, и приглашалъ: „пойдемте всѣ, шатаясь, подъ бочками заснуть“ тоже нѣчто въ реальномъ быту немислимое и, конечно, никогда авторомъ не испытанное.

На самомъ дѣлѣ, когда Пушкинъ съ двумя товарищами, Пущинимъ и Малиновскимъ, достали бутылку рому и вздумали выпить гогель-могелю—въ распитіи этой бутылки участвовали еще нѣсколько товарищей,—они были немедля пойманы, уличены, и имъ пришлось двѣ недѣли во время утренней и вечерней молитвы стоять на колѣняхъ и занимать послѣднія мѣста за обѣденнымъ столомъ; дядька, доставившій имъ ромъ, былъ выгнанъ со службы, и событіе увѣковѣчено въ лицейской „національной пѣснѣ“: „ребята опилися (?) ромомъ,—зато Ому прогнали съ громомъ“. По мѣрѣ исправленія преступниковъ ихъ постепенно подвигали за столъ по направленію къ раздававшему кушанье дежурному гувернеру, и при этомъ, должно быть въ самомъ началѣ отбыванія наказанья, у Пушкина вырвался экспромтъ, въ которомъ высказалась, рядомъ съ полнѣйшею гастрономической нетребовательностью, несомнѣнная искренность:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

Шутка была сказана не только отъ глубины души, но и отъ глубины желудка. Пушкинъ воспѣлъ и въ то же время вышутить это происшествіе:

Закипѣвъ о, сколь прекрасно
Токи дымные текли...
Вдругъ педанта гласъ ужасный
Намъ послышался вдали.
И бутылки вмигъ разбиты
И бокалы всѣ въ окно;
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.
Убѣгаемъ торопливо...

Вообще школьный режимъ позволялъ больше мечтать о пирахъ, чѣмъ пировать.

„Чаша пунша круговая“ навѣрное не такъ часто пила, какъ воспѣвалась.

Въ двухъ посланіяхъ Пушкина къ любимому преподавателю, другу своихъ учениковъ, А. И. Галичу, проглядываютъ уже черты настоящей дѣйствительности, хотя еще прикрашенные и преувеличенныя. Поэтъ зоветъ Галича, „вѣрнаго друга бокала и жирныхъ утреннихъ пировъ“:

Давно въ моемъ уединеніи,
Въ кругу бутылокъ и друзей
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Остротъ и хохота гостей...

и живописуетъ блаженство „философа“, которому самъ Вахъ подносить „лафитъ и грогъ янтарный“, и онъ счастливъ „когда друзья-поэты съ утра до ночи съ нимъ шумятъ, поютъ куплеты, пьютъ мозель разогрѣтый!“¹⁾ Въ мечтахъ юнаго поэта эпикурейца дружеское общеніе рисовалось за обильнымъ столомъ:

...Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ;
И шука въ скатерти лежитъ. И т. д.

Вскорѣ въ поэмѣ „Сонъ“ (1816 г.) мы находимъ у Пушкина уже настоящій гастрономо-гигіеническій завѣтъ, изложенный въ стилѣ знаменитой „Gastonomie“ Бершу.

Въ посланіи къ А. А. Шишкову поэтъ признается:

Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
Бывало пѣлъ вино водяными стихами...

Ему самому теперь смѣшны всѣ эти небывалые „фіалы“, и „кубокъ янтарный“, „гроздь Анакреона“.

Вотъ лицейскій курсъ оконченъ, и восемнадцатилѣтній Пушкинъ вступаетъ въ дѣйствительную жизнь. Эпикурейскіе мотивы становятся ярче и вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаютъ подлинную бытовую реальность. Свѣтскіе молодые люди—прототипы Онѣгина, блестящіе гусары, прожигатели собственной жизни и предковскихъ наслѣдствъ, продажныя и полупродажныя прелестницы, поспѣтели кулисы,—въ этотъ мѣръ самозабвенно окунался съ головою жизнерадостный юноша. Правда, отецъ былъ къ нему далеко не щедръ, и молодому человѣку иной разъ бывало круто, когда родитель ворча, и нехотя, приталилъ за него извозчику: приходилось прибѣгать къ займамъ. Тутъ-то и берутъ начало долги, то друзьямъ, то ростовщикамъ, тяжелые и для самолюбія и для кармана, съ этихъ поръ терзавшіе поэта до самой могилы. Здѣсь, въ школѣ суетной, но заманчивой жизни, среди „минутныхъ друзей, минутной младости“, Пушкинъ узналъ толкъ во многомъ ему прежде недоступномъ. „Свѣтлый, самонадѣянный, восторженный, раскрытый всему юноша (слова Герцена) раскрылъ свое сердце приволью свѣтскаго быта, который былъ тѣмъ привлекательнѣе, что Пушкинъ умѣлъ въ немъ „дружно жить съ Венерой, съ кортикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ“...

Его Муза „какъ Вакханочка рѣзвилась, за чашей пѣла для гостей“ и иной разъ предлагала имъ запомнить, словно какое-нибудь важное событіе, „веселый вечеръ въ жизни нашей“, когда „шампанскаго въ стеклянной чашѣ шипѣла хладная струя“. Собранія кружка „Зеленой Лампы“, членомъ котораго былъ Пушкинъ, устраивавшіяся у Н. В. Всеволожскаго, блестящаго представителя тогдашней jeunesse dorée, богача, театрала, остряка, умнаго, образованнаго и привлекательнаго человѣка, часто обращались въ роскошные пиры. Шампанское Всеволожскаго было, по выраженію Пушкина, настоящимъ масломъ для Зеленой Лампы, а самъ онъ, „знатокъ въ невѣдомой наукѣ счастья“, „балованный дитя свободы“, былъ душой этого общества. Въ посланіи къ нему (1819 г.) Пушкинъ представляетъ себѣ Всеволожскаго „въ пріютѣ отдаленномъ“:

Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя.
Въ густомъ дымѣ лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ...

и т. д. Къ стиху „Аи холодная струя“ Пушкинъ сдѣлалъ примѣчаніе: „Champagne L. D. M. frappé à la glace“. Года два спустя, вспоминая о Всеволожскомъ въ Бессарабіи, Пушкинъ писалъ брату: „скажи ему, что я люблю его... что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его... Лампу его, и все елико друга моего“. Мы узнаемъ, что у Всеволожскаго пили клико („Veuve Clicquot Ponschartrain“) и шато д'икемъ.

Когда враждебный рокъ ему „бросилъ взоры гнѣва и вдалъ занесъ“, и поэтъ очутился на югѣ, его Музѣ пришлось забыть „столицы дальней и блескъ, и шумные пиры“ и стать скромнѣе.

Въ Кишиневѣ, гдѣ онъ провелъ около трехъ лѣтъ, изрѣдка—заѣзжая въ Каменку къ Раевскимъ и Давыдовымъ (тамъ „время протекало между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами... много шампанскаго, много острыхъ словъ“) или въ Одессу. Пушкинъ обогатилъ свой гастрономическій опытъ произведеніями мѣстной кулинаріи, хотя плациндамъ и каймакамъ, которыми его угощали въ молдавскихъ домахъ Вареоломея и

Крупенскихъ, и вообще туземному столу предпочиталъ кухню своихъ русскихъ пріятелей или простой трактирный обѣдъ, за которымъ однако дѣло рѣдко обходилось безъ рейнвейна или шампанскаго. Иногда поэтъ раздѣлялъ, безъ особой охоты, впрочемъ, скромную трапезу своего благочестиваго начальника, бесарабскаго намѣстника Инзова, и даже постился...

И. П. Липранди, съ которымъ Пушкинъ совершилъ въ концѣ 1821 г. довольно большую поѣздку по горной Бессарабіи, сохранилъ намъ нѣкоторыя интересныя подробности о его пищевыхъ вкусахъ. Въ Леовѣ у командира казачьяго полка Катасанова, Пушкинъ выказалъ себя „большимъ охотникомъ до балыка. Обѣдъ состоялъ только изъ двухъ блюдъ: супа и жаркого, но зато двояволь прекраснаго донскаго вина. Желаніе Пушкина выпить кофе удовлетворено быть вскорѣ не могло, и онъ былъ замѣненъ дульчейей“. Когда гости простились съ радушнымъ хозяиномъ, и поѣхали дальше, Пушкинъ „разразился ужаснымъ хохотомъ“, озадачившимъ Липранди. „Что такое такъ веселитъ васъ?—спросилъ я его. Приостановившись немного, онъ отвѣчалъ мнѣ, что замѣтилъ ли я, какимъ обѣдомъ насъ угостили, и опять тотъ же хохотъ. Я рѣшительно ничего не понималъ и ничего особеннаго въ обѣдѣ не замѣтилъ. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что супъ былъ изъ куропатокъ, съ крупно-нарошеннымъ картофелемъ, а жаркое изъ курицы. „Я люблю казаковъ за то, что они своеобразничаютъ и не придерживаются во вкусѣ общепринятымъ правиламъ. У насъ, да и у всѣхъ, сварили бы супъ изъ курицы, а куропатку бы зажарили, а у нихъ наоборотъ!“ и опять залился смѣхомъ. На этотъ разъ и я смѣялся... Пушкинъ заключилъ тѣмъ, что это однако же вкусно и впоследствии въ Кишиневѣ сообщилъ это Тардифу... Обѣдъ этотъ онъ никогда не забывалъ; даже черезъ два года, въ Одессѣ онъ припоминалъ мнѣ объ ономъ. Этотъ Тардифъ, отличный кухмистеръ, но горькій пьяница, нигдѣ долго не уживавшійся, даже воспѣтъ Пушкинымъ:

Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Колне,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура...
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entremets, на пироги...

Несмотря на похвалю „скинской жаждой“, вино иногда слишкомъ сильно дѣйствовало на Пушкина, и тотъ же Липранди рассказываетъ, какъ однажды, послѣ хорошей порціи портеру и жженки вкруговую, Пушкинъ затѣялъ нелѣпую ссору съ пріятелями и двоихъ сразу вызвалъ на дуэль; на другой день Липранди удалось помирить противниковъ.

Одесса, гдѣ вскорѣ поселился Пушкинъ, дала ему возможность наслаждаться вполне европейской кухней. „Ресторанція и итальянская опера—писалъ онъ брату—напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу“, а въ одномъ письмѣ къ Ф. Ф. Вигелю хвасталъ: „обѣдаемъ славно, я пью, какъ Лотъ содомскій... недавно выдался намъ молодой денекъ, я былъ президентомъ попойки“... Обѣды у генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, у мѣстныхъ богатыхъ негоціантовъ были не кишеневскимъ чета. Хорошо и дешево кормили въ ресторанѣ Отона (César Autonne).

Въ Одессѣ жизнь была тогда очень дешева (дороги были только квартиры и дрова), и еще въ 40-хъ годахъ у того же Отона не было порціи дороже пятиалтыннаго, такъ что его счетъ 1823—1824 г.г. могъ быть грозенъ только очень тощему карману. Студенты Ришельевскаго лицея впоследствии не разъ наиоминили Отону (Болеславъ Маркевичъ „Изъ прожитыхъ дней“): Monsieur Autonne, вѣдь вы воспѣты Пушкинымъ.—J'ai entendu dire en effet,—отвѣчаетъ онъ съ величавымъ видомъ министра, которому докладываютъ, между прочимъ, о хвалебной статьѣ, напечатанной про него въ какой-нибудь ничтожной газетѣ,—que Monsieur Pouskine avait eu la bonté de parler de moi dans ses vers. C'est très aimable à lui de l'avoir fait.—Онъ часто обѣдалъ у васъ здѣсь?—Très souvent, oui, monsieur. Il préférerait le Saint-Péray à toutes les autres marques de champagne, et j'en ai toujours eu d'excellent dans ma cave. И улыбнется при этомъ, точно орденомъ пожалуетъ“.

Въ кофейню Пфейфера на Дерibasовской улицѣ одесскіе студенты ходили еще во времена Маркевича „изъ-за благоговѣйнаго чувства къ дырѣ въ мягкомъ камнѣ, изъ котораго строятся дома въ Одессѣ, пробитой въ одной изъ стѣнъ этой кофейни окончательностью желѣзной палки, которую носилъ постоянно съ собою Пушкинъ, приходившій сюда почти каждый день sein Taschen Kaffe trinken, какъ горделиво посянлалъ старый нѣмецъ-хозяинъ“; дыру-реликвию онъ бережно сохранялъ.

Сосланный изъ Одессы въ свое Михайловское, Пушкинъ попалъ въ скромную, деревенскую обстановку и зажилъ просто и нероскошно. Брату онъ отъ времени до времени поручаетъ прислать то вина, по горчицы, то дюжину рому, то лимбургскаго сыру. Живя въ уединеніи, онъ пилъ одинъ (въ знаменательную лицейскую годовщину 1825 г. онъ писалъ: „я пью одинъ, и на брегахъ Невы меня друзья сегодня именуютъ“).

Въ деревнѣ было не до гурманства, но и здѣсь Пушкину случалось пировать съ рѣдкими гостями, и для нихъ у него всегда имѣлся запасъ вина. Вотъ его заказъ въ стихахъ, данный брату (извѣстенъ лишь въ черновикѣ). Поэтъ не тѣсняетъ брата въ выборѣ:

¹⁾ Прим. ред. „Мозель разогрѣтый“—несомнѣнная иронія.

Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И, подъ пробкой смоляной,
St. Пере бутылкѣ длинной...

Далѣ Пушкинъ вспоминаетъ, что когда-то любилъ аи, которое ему нравилось „пѣной шумной, симъ подобіемъ любви“, а потомъ сталъ цѣнить бургонское.

Въ другомъ мѣстѣ своего романа Пушкинъ даетъ гениально-остроумную общезвѣстную лирическую характеристику „темпераментовъ“ винъ. Онѣгинъ угощаетъ Ленскаго—такъ самъ Пушкинъ угощалъ своихъ друзей въ деревнѣ:

Вдовы Клико или Мозта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено, и т. д.

Отголоскомъ деревенскихъ впечатлѣній является и насмѣшка въ „Онѣгинѣ“ надъ брусничной водой, которою Ларины поятъ своихъ гостей, надъ ихъ именнымъ обѣдомъ—съ жирнымъ, пересоленнымъ пирогомъ и цымянскимъ, которое торжественно подаютъ въ засмоленной бутылкѣ между жаркимъ и бланманже.

Пушкинъ освобожденъ (1826 г.), живетъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, разъѣзжаетъ по Россіи,—вкусы его усложняются, опытъ становится богаче. Вотъ первый слѣдъ его новаго гастрономическаго опыта—кулинарный *itipégaige*, который онъ послалъ Соболевскому: „во-первыхъ, запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ

У Гальяни иль Кольони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони
Да ящицицу свари.
На досугъ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ,
Жареныхъ котлетъ отвѣдай (именно котлетъ)
И отправься налегкѣ. И т. д.

Въ Валдаѣ спроси, есть ли свѣжія сельди,—если же нѣтъ,

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай!“...

Онѣгинимъ въ его путешествіи по Россіи тоже не забыты ни баранки въ Валдаѣ, ни стерляжья уха въ Москвѣ, гдѣ

Въ палатѣ англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба),
Безмолвно въ думу погружень,
О кашахъ пренья слышитъ онъ...

Въ Москвѣ Пушкинъ пилъ алетатико, вошедшее тогда въ моду, и обѣдалъ у Яра; въ Петербургѣ принималъ участіе въ такихъ праздникахъ, какъ устроенный Вяземскимъ (1828 г.) пикникъ, для котораго были приняты весьма серьезные „потребныя мѣры въ отношеніяхъ личныхъ, мѣстныхъ и свѣстныхъ, а тѣмъ паче питейныхъ“; а въ дорогѣ часто долженъ былъ

въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать...
То ли дѣло—рюмка рома,

вздыхалъ онъ въ такія минуты. Онъ любилъ иногда пороскоше-ствовать: „требую бутылку шампанскаго; смотрю, какъ рюмка стынеть отъ холода; пью медленно, радуясь, что обѣдъ стоитъ мнѣ семнадцать рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость“. Въ январѣ 1829 г. Пушкинъ, въ деревнѣ у своихъ друзей, катаясь, морозилъ шампанское, держа бутылку на колѣняхъ, поилъ знакомыхъ люнелемъ, который привезъ съ собою изъ Москвы, а по

дорогѣ оттуда въ Петербургъ, почти буквально, продѣлалъ ту программу ѣды, которую преподавалъ Соболевскому. Возвратившись въ Петербургъ, у Andrieux, въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ ресторановъ, пилъ какое-то новое шампанское, замѣнившее бывшее недавно въ модѣ у гастрономовъ *boungogne mousseux* (дневникъ А. Н. Вульфа).

Кавказская поѣздка того же года дала Пушкину новыя гастрономическія впечатлѣнія и свѣдѣнія. Ему не пришлось по дорогѣ полакомиться въ славившейся тогда курской ресторации хорошимъ обѣдомъ, на который онъ рассчитывалъ, но зато онъ отвѣдалъ въ калмыцкой кибиткѣ чаю съ бараньимъ жиромъ и солью („не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже“) и сушеной кобылятины. Онъ пилъ на Кавказѣ кахетинское вино изъ вонючаго бурдюка и отзывается о грузинскихъ винахъ, что они „не терпятъ вывоза и скоро портятся, но на мѣстѣ они прекрасны; кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ“. У какого-то тифлискаго гастронома, гдѣ „по несчастію разносили кушанья по чинамъ“, Пушкинъ „всталъ изъ-за стола голодный: чортъ побери тифлискаго гастронома!“ Гдѣ-то близъ Карса, въ армянской деревнѣ, ѣлъ отвратительный армянскій хлѣбъ, пополамъ съ золою: „дорого бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба“; а въ Карсѣ баранина съ лукомъ показала ему „верхомъ повареннаго искусства“. Въ Арзрумскомъ походѣ, въ палаткѣ генерала Раевского, друга Пушкина, „запивали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ Таврійскихъ“. Прощаясь съ поэтомъ, Раевскій подарилъ ему на дорогу ящикъ рейнвейна; это вино Пушкинъ пилъ вообще охотно.

Въ своихъ разнообразныхъ вкусахъ Пушкинъ не былъ привередливъ. Онъ цѣнилъ тонкіе деликатесы, но любилъ и самыя простыя блюда и скромныя лакомства. Въ „меню Пушкина“ рядомъ съ трюфлями фигурируетъ клюква съ сахаромъ, рядомъ съ ананасомъ—варенецъ и моченая яблоки. „Онъ вовсе не былъ лакомка“,—разсказывалъ кн. П. А. Вяземскій:—„онъ даже, думаю, не цѣнилъ и не хорошо постигалъ тайны повареннаго искусства, но на иныя вещи былъ онъ ужасный прожора. Помню, какъ въ дорогѣ съѣлъ онъ почти духомъ двадцать персиковъ, кулленныхъ въ Торжкѣ; моченымъ яблокамъ также доставалось отъ него нерѣдко“. Лѣтомъ 1832 г.—Пушкинъ только что женился—А. О. Смирнова видѣла у него, въ Царскомъ Селѣ, „на столикѣ графинъ съ водой, ледъ и банку съ крижовниковымъ вареньемъ, его любимымъ (онъ привыкъ въ Кишиневѣ къ дульчецамъ)“. „Обѣдаю съ вареньемъ“, писалъ онъ какъ-то изъ деревни женѣ (1823 г.). Славный квасъ, который варила въ Торжкѣ кухмистерша Пожарская, и ея знаменитыя котлеты изъ курицы были ему не менѣе пріятны, чѣмъ стерляди, шампанское, лафитъ и зажженный пуншъ съ ананасами у Нашокина. Въ Петербургѣ, когда жены не было въ городѣ, онъ обѣдалъ у Дюме; тамъ онъ познакомился съ Дантесомъ. Однажды у Дюме молодежь стала угощать его шампанскимъ и пуншемъ и звать въ нѣкій легко доступный домъ: „все это меня смѣтило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и *beef-steaks*“ (1824 г.). Измученный заботами и расходами городской жизни, онъ теперь мечталъ о деревнѣ и ужъ, навѣрное, не трунилъ надъ провинціальной простотою, какъ когда-то. Теперь у него были самыя скромныя, но несбыточныя желанія: „покой, да шей горшокъ, да самъ большой“... Увы, это смиренное счастье ему не было суждено!

Пушкинъ однажды сочинилъ нѣсколько забавныхъ гастрономическихкихъ афоризмовъ въ стилѣ Brillat-Savarin („*Physiologie du goût*“); они только недавно стали извѣстны.

— „Не откладывай до ужина того, что можешь съѣсть за обѣдомъ“.

— „*L'exactitude est la politesse des cuisiniers*“.

— „Желудокъ просвѣщеннаго человѣка имѣетъ лучшія качества добраго сердца: чувствительность и благодарность“.

Послѣднія слова продиктованы Пушкину образцовымъ здорověемъ, которымъ онъ всегда пользовался („желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ“, сказано въ „Онѣгинѣ“). Оно давало поэту ту могучую воспримчивость, съ которою онъ черпалъ изъ глубины жизни удовольствія не одного только гастрономическаго характера. Но и въ этой сферѣ такъ ярко и своеобразно выразился Пушкинъ.

Н. Лернеръ.

